

"Время", No 11, 1862

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1862/Novem/pismored.htm>

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА "ВРЕМЯ"¹

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: "ПѢВЕЦЪ КУБРЫ"

Et voilà comme on écrit l'histoire.

М. г. Какъ жена покойнаго князя Петра Ивановича Шаликова, котораго вѣроятно вы не знали ни лично, ни по репутаціи, человѣка много лѣтъ уважаемаго и любимаго въ московскомъ обществѣ, я позволила себѣ нѣсколько замѣчаній на статью Е. Колбасина "Пѣвецъ Кубры", гдѣ я нашла нѣкоторыя невѣрныя черты характеристики моего мужа, и прошу васъ покорнѣйше, милостивый государь, дать мѣсто моимъ замѣткамъ въ издаваемомъ вами журналѣ.

Признаюсь вамъ, нетолько я сама, но и всѣ знавшіе лично покойнаго моего мужа, едва вѣрили глазамъ своимъ, читая истинно-забавныя... я бы сказала клеветы г. Колбасина, еслибъ могла предполагать въ человѣкѣ совершенно постороннемъ какой-нибудь умыселъ бросить тѣнь на его память. Г. Колбасинъ можетъ-быть и самъ непрочъ отъ того, чтобъ узнать нѣкоторыя болѣе точныя подробности о личности, которой онъ коснулся въ своемъ психологическомъ очеркѣ.

Усиливаясь доказать, что кн. Шаликовъ былъ "интриганъ и нозкопокклонникъ", авторъ статьи: "Пѣвецъ Кубры" до такой степени не попалъ на настоящій его недостатокъ, что заставилъ всѣхъ невольно улыбнуться. Крайняя вспыльчивость моего мужа, нещадившая никакое лицо, вошла даже въ пословицу въ кругу нашихъ знакомыхъ; а рѣзкая правдивость, возстановившая противъ него многихъ, въ глазахъ друзей его извинялась только рѣдкою добротою сердца и совершенно дѣтскою нерасчетливостію. Довѣрчивый до наивности, онъ даже въ другихъ непонималъ духа интриги; взглядъ его на жизнь былъ взглядомъ поэта и философа, а денегъ считать онъ никогда не умѣлъ. Такимъ представлялся онъ каждому, кто видѣлъ его мелькомъ раза два; такимъ знали его тѣ, которые были сближены съ нимъ съ молодыхъ лѣтъ и до глубокой старости. Никто менѣе его не измѣнялся съ лѣтами. Этотъ недостатокъ практичности, эта неукротимость избалованной натуры, составлявшіе главную черту его характера, могутъ служить истолкованіемъ многихъ его странностей. Кто не зналъ его за неисправимаго оригинала. Кто не помнитъ, какъ онъ, нетолько въ салонахъ, но и во время ежедневныхъ своихъ прогулокъ, свободно и открыто говорилъ о происшествіяхъ и лицахъ, возмущался крѣпостнымъ правомъ, и не стѣсняясь ничѣмъ, высказывалъ среди собравшейся вокругъ него публики самыя смѣлыя идеи. Кому не приходилось удивляться тому, что не разъ самыя почтенныя дамы, которымъ случалось ему наговорить всердцахъ пропасть колкостей, приѣзжали первыя мириться съ нимъ? На него нельзя было сердиться: живая, пылкая натура этого человѣка, всегда юная и увлекающаяся, всегда вдававшаяся въ крайности, съ ироническимъ складомъ ума, съ большою начитанностію, съ южнымъ воображеніемъ и съ женскою, непритворною добротою, обаятельно дѣйствовала на все окружающее, и ему все прощалось. Да, это была не пошленькая личность, какою выставилъ ее г. Е. Колбасинъ, скорбя о пагубномъ вліяніи, какое будтобы имѣлъ князь Шаликовъ на стихотворное развитіе графа Хвостова.

Въ тридцатыхъ годахъ (эпоха, въ которую упоминаетъ о моемъ мужѣ г. Е. Колбасинъ), ему было уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но несмотря на эти преклонныя лѣта, его всюду желали видѣть, какъ человѣка пріятнаго, всегда принадлежавшаго къ образованному, лучшему обществу. Будучи крайне разборчивъ въ знакомствѣ съ свѣтскими людьми, и передавъ это свойство своему семейству, онъ для иныхъ литераторовъ дѣлалъ исключенія, принимая ихъ во имя литературы, а съ другими былъ друженъ съ молодыхъ лѣтъ, какъ напримѣръ съ В. Л. Пушкинымъ, Батюшковымъ и другими; былъ всегда дружески